

## По случаю юбилея Рольфа Книпера

1. С Рольфом Книпером мы познакомились в ноябре 1998 года в Киеве. В то время профессора Ю.Г. Басин и М.К. Сулейменов представили меня широкому кругу своих коллег и друзей из республик бывшего СССР и дальнего зарубежья для включения в состав рабочей группы по подготовке модельного закона о рынке ценных бумаг для стран СНГ. Киевской конференцией этот важный процесс открывался, в связи с этим она длилась пять полных рабочих дней и была очень репрезентативной. В рамках расширенных заседаний были доложены основные особенности и проблемы в формировании и развитии законодательства о рынке ценных бумаг в каждой из наших республик, обсуждены наиболее серьезные теоретические аспекты гражданско-правового учения о ценных бумагах и актуальность каждого из них для создания адекватной правовой основы современного рынка капиталов.

В качестве иностранных экспертов в конференции участвовали специалисты из дальнего зарубежья, представляющие как международные донорские финансовые организации, так и научное сообщество. По каждому обсуждаемому вопросу получение мнения экспертов было обязательным. Одним из ключевых таких экспертов был профессор Бременского университета Рольф Книпер (*Rolf Knieper*).

Сообщения и комментарии Рольфа по темам повестки конференции неизменно были исчерпывающими и обоснованными в каждом случае немалочисленных обращений к нему. Он излагал свои мысли настолько четко и ясно, что у всех слушателей сразу формировалось четкое представление о том, каковы особенности правового регулирования того или иного аспекта, юридически значимые последствия реализации отдельных решений. Обратило на себя внимание и то, что в обоснование своих доводов Рольф разъяснял не только особенности германского законодательства и объяснял особенности правового регулирования теоретическими позициями, признанными в немецком праве, а также во многих случаях убедительно демонстрировал важность применения методов сравнительного правоведения при любых попытках создания правовых актов в целях сближения с лучшими образцами правового регулирования, гармонизации или унификации законодательства в рамках межгосударственных образований или при использовании иных форм международного сотрудничества.

Примечательными тогда для меня показались еще несколько моментов в поведении Книпера и его образцовая манера держаться. Впечатлило то, что при всей убедительности, полноте и обоснованности выступлений Рольфа на той конференции, он был очень лаконичен, в чем мне видится проявление искреннего уважения ко всем участникам этого мероприятия и отсутствие хоть каких-то признаков надменности и самолюбования. Причем при

столкновении противоположных точек зрения (особенно в те времена популярным было резкое противопоставление решений и подходов, принятых для правового регулирования в юрисдикциях гражданского кодекса (т.е. романо-германского права) и общего (англо-саксонского) права) он никогда не был агрессивно-напористым в отстаивании своей позиции, никогда не навязывал своего мнения, не настаивал на его исключительной верности, но всегда объяснял его ясными и убедительными иллюстрациями. И, естественно, никогда и ни при каких условиях Книпер не переходил на личности.

Столь же замечательными его особенностями были добросовестная вовлеченность в общую работу, постоянный контроль за происходящим обсуждением и заинтересованность в том, чтобы не только его поняли правильно, но и чтобы общий вывод по результатам обсуждения и комментариев экспертов был последовательно и обоснованно сформулирован, а пути его реализации были корректно намечены. Рольф всегда просил слово, чтобы обратить внимание на необходимость корректировки вывода для его приведения в соответствие с ранее согласованными результатами обсуждения. Знание нескольких иностранных языков позволяло ему еще более эффективно участвовать в совместной работе и своевременно реагировать по соответствующим моментам дискуссии.

То, что мне тогда показалось столь особенным, заслуживающим уважения и принятия в качестве личного примера, получило подтверждение за последующие годы личного общения и совместной работы с Рольфом.

2. На той киевской конференции наши учителя и старшие товарищи предложили особый формат работы, когда созданная ими небольшая проектная группа отвечала бы за написание первоначальных проектов концепции и модельного закона, а на заседаниях рабочей группы в полном составе эти проекты обсуждались и принимались окончательные решения о занятии определенной позиции или утверждении конкретной формулировки. Мне посчастливилось войти в состав такой проектной группы. В рамках нашей работы мы несколько раз встречались для совместной работы в Лейденском и Бременском университете. Профессор Книпер был нашим куратором во время работы в Бремене. Мы получили возможность (и удовольствие) более тесного общения и рабочего взаимодействия с ним.

И снова поведение Рольфа во время этой работы позволило мне поучиться у него надлежащему образу жизни и работы университетского профессора. Прежде всего, он требовал от нас должной дисциплины: мы должны были соблюдать утвержденную повестку как по времени начала и окончания обсуждений, так и по содержанию обсуждаемых вопросов. При этом Книпер следил за тем, чтобы каждый аспект был детально обсужден со всех сторон, были рассмотрены все возможные аргументы, а по результатам обсуждения всегда был сделан полноценный вывод, будь то формулировка позиции или полноценное изложение дискуссионных моментов для вынесения на рассмотрение рабочей группы.

Но еще более важным было его бережное и уважительное отношение к нам, его молодым коллегам, с тем, чтобы создать для нас наилучшие условия для полноценной научной дискуссии и принятия обоснованных решений. Мы получили возможность работать не только в рамках проектной группы, но также обсуждать каждый вопрос со специалистами в соответствующей отрасли права и сфере практической деятельности, а также пользоваться собранной в его университетском офисе библиотекой. Он весьма ответственно относился к тому, чтобы работа молодых ученых могла соответствовать лучшим стандартам научной деятельности.

Хочу также подчеркнуть, что нередко Рольф выполнял свои функции научного руководителя за счет своего личного времени. Его добросовестность и ответственность по отношению к своим ученикам я отметил еще в 1998 году в Киеве, когда он отказывался участвовать в вечерних экскурсиях, поскольку он должен был внимательно ознакомиться с диссертацией своего магистранта и написать для него рецензию и предложения по улучшению диссертации. А во время наших встреч в Бременском университете он постоянно находился с нами при формальных обсуждениях в течение рабочего времени и никогда не отказывался продолжать дискуссии по предмету нашей совместной работы вечерами во время прогулок и ужинов.

3. Особое впечатление на меня произвел широкий кругозор и глубокие знания Рольфа Книпера в областях, не связанных с юриспруденцией. Тогда же в Киеве именно от него я впервые услышал о знаменитом немецком художнике-модернисте (приверженце югендштиля) Генрихе Фогелере (*Heinrich Vogeler*), его прекрасных работах, дошедших до наших дней в картинах, рисунках, гравюрах, оформлении золотого зала Бременской ратуши, а также о его обманутых ожиданиях и связи с землей Казахстана. От Рольфа я узнал о Ворпсведе (*Worpswede*) – находящемся недалеко от Бремена поселке, в котором жили и творили мастера, объединившиеся вместе с Фогелером и его единомышленниками в знаменитую колонию художников. Как писал Райнер Рильке (*Rainer Maria Rilke*) в своем эссе, посвященном этому прекрасному месту, «Генрих Фогелер обрел в Ворпсведе почву для своей действительности. Его искусство - прежде всего восторженное, блаженное предсказание этой действительности» (см. *Р.-М. Рильке «Ворпсведе, Огюст Роден, Письма, Стихи» / М.: «Искусство», 1970 г. В переводе В. Микушевича*). Тем не менее Фогелер поверил в идею коммунизма и политику Сталина по построению социализма в СССР. Он предпринял путешествия в Россию и по советским кавказским и среднеазиатским республикам, а в 1930-ых годах покинул благословенный Ворпсведе навсегда, перебрался в Москву и работал на немецком радио. Но с началом Великой Отечественной войны Фогелер был выслан в Казахстан на поселение и в 1942 году, в своем почтенном возрасте не выдержав несправедливых и суровых условий, умер в небольшой ауле в Карагандинской области.

Мы с Книпером, Майданом Кунтуаровичем Сулейменовым и другими коллегами обсуждали тогда, насколько исторически долго существуют духовные и культурные связи казахского и немецкого народов, вспомнили великого Абая, впервые познакомившего казахов на родном языке с поэтическим наследием великого Гёте, отметили неопределимость писательской и общественной деятельности Герольда Белгера в развитии литературы и уважительном отношении к казахскому народу, его языку, традициям и культуре в целом, рассказывали друг другу истории из личной жизни и затронули деликатную тему формирования и жизни немецкой диаспоры в Казахстане. Именно в этом контексте Рольф сказал, что Бремен и Казахстан связывает также и трагическая судьба Фогелера, который объединил замечательных художников в Ворпсведе, оставил после признанное и высоко ценимое наследие, но похоронен в Казахстане. А память о мастере, действительно, высоко чтится: позже я узнал, что в Караганды возведен мемориал с бюстом художника, в Карагандинской области в Корнеевке действует музей Фогелера с размещенной на здании музея памятной доской, а в Белагаше – установлен мемориальный крест в честь него; его художественное наследие изучается нашими согражданами (см., например, Попов Ю. Фогелериана художника Джунусова / [http://ekaraganda.kz/?mod=news\\_read&id=14691](http://ekaraganda.kz/?mod=news_read&id=14691))

Когда мы были в Бремене, нам показали красивейший зал Ратуши, стены и камин которого были оформлены Генрихом Фогелером. А в 2001 году во время очередной встречи по работе над модельным законом в Бремене наш коллега Ахим Шрамм (*Hans-Joachim Schramm*) повез нас на экскурсию в Ворпсведе, и мы не только увидели чудесный дом художника Баркенхоф в стиле модерн, сейчас легко узнаваемый на его знаменитой и великолепной картине 1905 года «Летний вечер», на которой он изобразил себя со своими друзьями-художниками, но также узнали о других художниках-колониатах и познакомились с их творчеством.

Когда в 2006 году я приехал по работе в Караганды, за обедом рассказывал своим коллегам о Рольфе Книпере и том, как он познакомил меня с художественным наследием Бременских художников. И в какой-то момент один из участников беседы, Николай Борисович Варфоломеев, сказал, что он знает о Фогелере, и рассказал, что в 1992 году, находясь на службе, он по заданию руководства на основании запроса посольства ФРГ занимался розыском могилы Фогелера и свидетельств его последних лет жизни в Казахстане. Точное место последнего упокоения художника так и осталось не обнаруженным, но известен саманный домик, в котором он жил, и собраны свидетельства о его тяжелой жизни в последний год. У него не было не только приличных условий для проживания, но он также не имел возможности творить, что угнетало его еще сильнее (когда я через несколько лет мой друг Макс Гутброд (*Max Gutbrod*) подарил мне книгу о Ворпсведе с репродукциями работ Фогелера, в ней я нашел лишь пару рисунков углем с портретами казахов в национальных головных уборах). Нам не только все это рассказали, но тут же повезли нас к Немецкому дому в Караганды и

показали впечатляющий мемориальный комплекс в память о Генрихе Фогелере с его бюстом и надписью с высказыванием на немецком языке «мечтатель уходит, его мечта остается».

Таким образом, благодаря Рольфу я узнал больше о знаменитом художнике, а общение с другими хорошими людьми позволило мне проследить историю его жизни и творчества, воочию увидев его художественные произведения и некоторые места его пребывания на разных этапах его жизненного пути. Еще более значимым пониманием для меня стало то, насколько важно для интеллигентного человека с широким кругозором и глубокими знаниями делиться ими с другими людьми, позволяя им наполнить свой культурный багаж подлинными знаниями и впечатлениями о личностях и феноменах общечеловеческого масштаба, создавая условия для объединения и взаимодействия людей на основе общих культурных ценностей и не позволяя их разобщения в угоду мелких и корыстных политических интересов. Я также в очередной раз осознаю некую объективность явления невидимых связей между людьми и обусловленности одних событий другими.

4. Я имел возможность взаимодействовать с Рольфом Книпером и в группе по написанию модельного закона об акционерных общества для стран СНГ в новой редакции и комментария к нему. В данном случае Рольф не был нашим куратором, а участвовал в общей работе в качестве равноправного члена группы под руководством Ахима Шрамма. Как и в работе над модельным законом о рынке ценных бумаг, мы ставили себе задачей не просто сформировать образец для создания национальных законов, но также создать своего рода культурный продукт, который не просто предложит варианты законодательных формулировок, но объяснит их происхождение и значение для надлежащего правового регулирования. Из этого нашего общего понимания родилась и идея написания комментария к подготовленному нами же модельному закону об АО. Эта идея объективировалась в опубликовании английского перевода принятого Межпарламентской ассамблеей СНГ упомянутого модельного закона и написанного нами Комментария к нему с сопутствующими документами в авторитетном журнале *Review of Central and East European Law* (см., *Harmonization of Corporate Law in the CIS. More Architecture of Choice / RCEEL, Volume 36, 2011 – Leiden-Boston, 511 p.*). Эта публикация была осуществлена по предложению и при значительной поддержке главного редактора журнала профессора Вильяма Саймонса (*William Simons*).

Рольф горячо поддержал не только идею перевода нашего Комментария на английский язык и его опубликования в RCEEL, но также выступил за то, чтобы, разделив его между собой по главам модельного закона, каждый из нас написал свои разделы Комментария в привычном для себя стиле. Единственным требованием, которое мы должны были соблюсти – это объяснение в Комментарии выраженных в рекомендациях модельного закона идей, акцентирование внимания на предложенные варианты законодательных решений, указание на то, отражена ли определенная в

модельном законе позиция единодушным отношением к ней всех членов проектной группы, или какое-то положение является результатом компромисса. Если возникали какие-то принципиальные споры, и принималось решение на основе большинства голосов, то также обязательным для включения в Комментарий было указание на этот факт и на все обсужденные точки зрения с объяснением то, почему именно такое решение было принято проектной группой, и почему были отклонены другие.

А то, что к разным разделам модельного закона Комментарий был написан каждым из нас разным стилем, мы посчитали интересным, поскольку этим иллюстрируется возможность достичь единой цели коллективными усилиями, даже если у членов коллектива не только существуют собственные позиции по существу предмета совместной работы, но и имеется свой опыт, сформировавшийся в рамках разных, пусть даже и близких, юрисдикций. Поскольку Комментарий в данном случае не является правовым актом, а представляет собой именно культурный продукт, демонстрирующий возможности и способы научного сотрудничества юристов из разных государств, мы не связывали себя требованиями юридической техники, используемой в процессе нормотворчества.

Вспомнив этот интересный период нашей совместной работы, хочу еще раз обратить внимание на уважительное отношение Рольфа Книпера к своим товарищам. В августе 2010 года я находился на Филиппинах, участвуя в переговорах с АБР в Маниле. В какой-то момент я получил сообщение, что Рольф хочет переговорить со мной. В согласованное время он позвонил мне и сказал, что находится на Тайване (если память мне не изменяет) и читает лекции в университете. А звонил мне потому, что, хочет внести в текст уже подготовленного к внесению на рассмотрение МПА СНГ проекта модельного закона дополнение о том, что если в процессе добровольной ликвидации АО выявится недостаток его имущества для удовлетворения всех заявленных требований его кредиторов, то ликвидационная комиссия этого АО должна незамедлительно инициировать процедуру банкротства ликвидируемого АО; а если члены ликвидационной комиссии не исполняют этой обязанности, у них возникнет ответственность перед кредиторами АО по возмещению им убытков.

Рольф звонил мне потому, что мы не обсуждали это положение при подготовке закона, и он считал необходимым получить согласие каждого из членов проектной группы на такую доработку проекта. Несмотря на то, что Рольф был абсолютно уверен в обоснованности такого регулирования, он потратил свое время и деньги для того, чтобы позвонить каждому из нас, находящимся в разных уголках мира и в разных часовых поясах, чтобы согласовать дополнение в ранее обсужденный вариант Модельного закона, основываясь на уважении к своим коллегам и высоких этических требованиях, предъявляемые к самому себе прежде всего.

И, кстати, в тексте Модельного закона для стран СНГ об акционерных обществах, принятого в ноябре 2010 года, это положение включено как п. 2

ст. 180, а в своей части Комментария профессор Книпер объясняет значение этой нормы (*RCEEL, Volume 36, 2011 – Leiden-Boston, 511 p. P.308*).

5. За более чем 17 лет знакомства и научного сотрудничества с Рольфом Книпером возникало множество ситуаций, в которых я мог наслаждаться общением с ним и поучиться у него чему-то новому. О всех в одной короткой статье не вспомнишь. Однако завершая эту страничку воспоминаний хочу рассказать об открытой лекции, данной Рольфом в мае 2015 года для студентов и преподавателей Каспийского университета.

Нет необходимости говорить о том, что Книпер не только сразу обозначил те аспекты, на которые он хотел обратить особое внимание в своем выступлении, что он говорил в живой манере раскрытия темы выступления, четко артикулируя предлагаемые им выводы и доступно обосновывая их. Это отличает его в любых случаях, когда он взаимодействует с аудиторией, будь то изложение своей точки зрения при работе над проектом модельного закона или лекция для студентов.

Примечательным было то, что он начертил на доске небольшую схему взаимоотношений нескольких субъектов отдельного арбитражного разбирательства и с обращением к ней осветил в рамках одной своей лекции сразу несколько областей применения гражданского права: от понятия юридического лица и особенностей корпоративного управления до договора купли-продажи и представительства, а также применения принципов и норм международного частного права. Более того, в ходе лекции он использовал, если так можно выразиться, «интерактивный метод» взаимодействия со своими слушателями. Обращаясь к тому или иному моменту рассмотрения, он спрашивал у студентов, как этот момент должен был бы регулироваться в соответствии с законодательством Казахстана, заставляя их вспомнить то, что они уже должны были изучить, а также предлагая им дать свое видение о наиболее обоснованном правовом решении рассматриваемого вопроса. При этом Рольф ненавязчиво показал свое знакомство с казахстанским Гражданским кодексом и способность свободно ориентироваться в его содержании.

Продемонстрированный профессором Книпером способ доведения материала по теме лекции очень ценен потому, что не только позволяет студентам освежить в памяти ранее полученный учебный материал, но позволяет им (даже – требует от них) пытаться применить приобретенные знания в моделируемых практических ситуациях. Также важным представляется формирование у студентов понимания о том, что право является единой системой знаний и правовых норм, ориентированной на разрешение реальных жизненных обстоятельств, в рамках которой правовые отрасли, подотрасли и институты являются взаимосвязанными между собой, а не существующими как изолированные и самодостаточные феномены.

Поздравляю Вас, Рольф, с юбилеем и желаю новых результатов в Вашей научной деятельности!

6 декабря 2015 г.